

В поисках экстрима: первые иностранцы, покорившие центр Азии

*Монгуш М.В.,
д. и. н., профессор ИТиГ
(филиал РГУТус)*

Статья посвящена первым западным путешественникам, посетившим Туву в первой половине XX века. В основу статьи легла книга англичанина Д. Каррутерса, посвященная его тувинской экспедиции, которая стала первым изданием о Туве на Западе. В то же время экспедиция англичан, состоявшаяся в 1910 году, стала экстремальным путешествием, в котором был и риск, и опасность, и неизвестность.

Ключевые слова: экстрим, туризм, путешествие, экспедиция, первые иностранцы, Тува, Сибирь, Центральная Азия.

Article is about the first Western travelers, who have visited Tuva in the first half of XX century. The basis of paper is book written by an Englishman D. Carruthers, devoted to their Tuvan expedition. His book became the first edition about Tuva in the West. At the same time expedition of Carruthers which was taken place in 1910, became extreme travel in which were risk, danger and uncertainty.

Key words: extreme, tourism, travel, expedition, first foreigners, Tuva, Siberia, Central Asia.

В поисках экстрима

В наши дни под понятием «экстремальный туризм» обычно принято понимать определенный вид отдыха, который включает активные действия с элементом реального риска. Это может быть дайвинг, скалолазание, альпинизм, охота и т.д. По наблюдениям медиков, при этих видах занятий у человека происходит выброс адреналина — важнейшего гормона, вырабатываемого мозговым веществом надпочечников. Адреналин выбрасывается в кровь, чтобы дать возможность человеку приспособиться к сложившейся ситуации, которая для него крайне непривычна и опасна.

Однако если углубляться в этимологию слова «экстрим», то оно происходит от английского extreme, что означает крайний, предельный. То есть все, что выходит за пределы нормы, в каком-то смысле становится экстримом. А экстрим, в свою очередь, влечет за собой острые ощущения, которые могут быть как положительными, так и отрицательными, но только не нейтральными. С этой точки зрения путешествия, которые совершались в прошлом веке и в более ранний период, когда возможности коммуникации были чрезвычайно скудны и ограничены, можно отнести к разряду экстремальных мероприятий. А люди, совершавшие вояжи в неведомые страны, безусловно, были экстремалами по складу своего характера. Или

любителями острых ощущений, как сказали бы в наши дни. От современных любителей экстрима их отличали цели и задачи путешествия. Если для первых экстрим — это всего лишь вид отдыха, то для вторых — это часть их профессиональной деятельности.

В настоящей статье речь пойдет об английской экспедиции, совершенной в Республику Тува в начале прошлого века. Эта маленькая республика, в прошлом выполнявшая роль буфера между Россией и Китаем, в силу своего географического положения и особенностей ландшафта относилась к так называемым территориям экстрима, куда во все времена устремлялись любители острых ощущений, среди которых было немало иностранцев. Самыми первыми западными путешественниками, посетившими эту далекую и неведомую страну, были три англичанина во главе с Дугласом Каррутерсом. Для них поездка в Туву стала не просто открытием новой земли, но и серьезным испытанием на выносливость. Оказавшись совершенно в незнакомой среде, они испытали немало острых ощущений и ярких впечатлений. Их в Туву удивляло и поражало все: природа, люди, их быт и нрав, изолированность региона от внешнего мира и многое другое. Впрочем, об этом следует рассказать более подробно.

От Темзы до Енисея

Книга английского путешественника, географа и топографа Дугласа Каррутерса (1881–1962 гг.) «Неведомая Монголия», первый том которой называется «Урянхайский край» (старое название Тувы — М.М.), была и остается, пожалуй, одной из самых востребованных книг о Туве, изданных когда-либо на Западе. Несмотря на то, что она вышла в свет в начале прошлого века и многие факты, содержащиеся в ней, безнадежно устарели, к ней, тем не менее, обращаются все, кто решил хотя бы раз посетить Туву или просто интересуется историей и культурой этого региона. А автор, сам того не подозревая, стал первооткрывателем Тувы для англоязычных читателей.

Экспедиция в Центральную Азию была предпринята Каррутерсом в 1910 году при непосредственной поддержке Королевского

Географического общества Великобритании. Компанию ему составили еще два англичанина, Прайс и Миллер. Маршрут экспедиции был длинным и сложным; на его осуществление потребовалось ни много, ни мало 20 месяцев. «Внимательное изучение трудов всех путешественников, ранее нас посещавших отдаленные части Центральной Азии, — пишет Каррутерс, — убедило нас в том, что здесь остался еще один, по крайней мере, район, который заслуживает специального изучения. Район этот составляют земли, омываемые истоками Енисея, Северо-Западная Монголия и Джунгария, ознакомление с которыми дает богатый материал для научных работ. Все это огромное пространство представляет из себя один из тех немногих районов, в изучении которого англичане не принимали до сих пор никакого участия, предоставив в этом отношении первенство русским» [1, 1].

Английская экспедиция, таким образом, имела вполне конкретную цель, которую Каррутерс определил следующим образом: «Главной своей задачей мы поставили себе изучить с возможной полнотой район, охватывающий малоизвестные доселе истоки реки Енисея... Здесь, в окруженном горами бассейне, совершенно отрезанный как от долин, так и от мрачных нагорий Монголии, защищенный от вторжения людей поясом дремучего леса и суровых приграничных вершин, расположен район, крайне интересный как для географа, так и для натуралиста. Он представляет из себя последнее крепкое убежище туземных племен Южной Сибири — племен, отиснутых в глубины лесного уединения. Здесь, в бассейне верхнего Енисея, живут урянхайцы, эти дикие «лесные обитатели», ведущие еще и в настоящее время жизнь весьма близкую к окружающей их природе». О том, как и в каких условиях проходила эта экспедиция, он пишет так: «Всю эту работу удалось совершить лишь ценою больших лишений и запасшись предварительно терпением. Быстрые переходы по таким странам невозможны. Медленное шествие за ползущим по бесконечным степям караваном верблюдов, короткие перегоны в китайских повозках, в течение еще более ко-

ротких зимних дней, по китайской большой императорской дороге, или передвижение со скоростью пяти миль в сутки по густому лесу, растущему вдоль сибирской границы, свидетельствуют о том, что наше путешествие было весьма и весьма не из легких» [1, 2-4].

Маршрут экспедиции пролегал через несколько стран. Выхав из Лондона, команда прибыла в Ригу. Отсюда она направилась в Центральную Азию — в Туву, затем в Монголию, Китай и Восточный Туркестан. Далее путь англичан пролегал через Индию. Завершила свою работу экспедиция в индийском городе Мумбае (бывший Бомбей — М.М), откуда выехала обратно в Лондон. Команда проделала путь даже по нашим современным понятиям долгий и сложный. А если учесть скромные возможности транспортных сообщений того времени, то становится понятным, почему на экспедицию ушло почти два года. Это, вне всякого сомнения, был экстремальный вояж, сопряженный большим риском и опасностью.

«Покидали мы Англию в тот момент, когда деревья уже выкидывали свои первые листья в скверах Лондона, — пишет Каррутерс, — проезжая по России, мы были уверены, что нам не придется более возвращаться в обстановку зимы; но здесь, в середине континента... земля все еще оставалась в железных оковах зимы... 23 апреля, стоя на берегах Енисея, мы не заметили никаких признаков навигационной работы на речных пароходах, услугами которых намеревались воспользоваться» [1, 30-31]. Так впервые англичан встретила Сибирь.

Прежде чем поехать в Туву, экспедиция остановилась на несколько дней в Кожэбааре, небольшом населенном пункте, о котором Каррутерс пишет следующее: он насчитывал около семидесяти лет существования и состоял почти из двухсот обывательских домов; он служит приютом свыше чем 1200 жителей; деревня представляет из себя как бы одну огромную семью; здесь ничто не делается без общего согласия и совета. «За время нашего пребывания в Кожэбааре, — пишет он далее, — мы совсем освоились с мирной обстановкой деревенской жизни и можем смело засви-

детельствовать, что сибирские переселенцы отличаются большим гостеприимством и общительностью. Они представляют из себя тип людей, которых чаще всего можно встретить повсюду в приграничных местностях: людей, резко отличающихся способностью просто, но упорно подчинять себе природу и бороться с ее сложными проявлениями. Таких же точно качеств людей можно встретить и в девственных лесах Канады и на высоких лугах Южной Африки» [1, 84].

В Кожэбааре англичане провели подготовительную работу: они запаслись продуктами питания, приобрели седла, веревки, постельные принадлежности из войлока и т.д. Они также купили 24 лошади, из которых 20 предназначались только для транспортировки груза. Одна лошадь стоила в пределах 40-65 рублей. Животные, как пишет Каррутерс, «по большей части выглядели хорошо, но при этом скорее подходили по своим размерам и грузности для путешествия по равнинам, нежели для горных переходов». Здесь же англичане наняли в качестве проводника и переводчика некоего Григория Макандарова, крепкого мужика из местных жителей [1, 85-86].

Из Кожэбаара экспедиция двинулась в Туву. «Нам никогда не забыть нашего отправления из этой маленькой сибирской деревушки, — пишет Каррутерс. — Люди были почти невменяемы после попойки, которой они предавались в течение всей предыдущей ночи; лошади не слушались, тяжелый груз (тюки) оказалось неудобным и трудным делом хорошо приладить и упаковать. Помимо этого усугубляли трудность нашей работы еще непривычность и юркость лошадей, новизна седла и нерастяннутость веревок. Наш передовой был пьян до бесстрашия и обращался с дикими татарскими лошадьми чрезвычайно искусно... Наконец, наш караван двинулся в путь... Семь часов потребовалось нам на то, чтобы выйти за пределы видимости деревни. Только достигнув узкой лесной дороги, мы почувствовали, что дело как будто несколько наладилось... День стоял великолепный, воздух был полон летних звуков и, по мере того как постепенно развертывался перед нами наш путь и все труднее и

труднее становилось пробираться каравану сквозь лесную чащу, мы все больше и больше убеждались в том, что впереди нас ожидали лишь природные затруднения и борьба со стихиями... Последняя связь с цивилизацией была порвана. Впереди нас ничего не было кроме гор, лесов и огромных, открытых действию ветра, плоскогорий». «Нам сопутствовало подавляющее чувство мощи природы, которое оказывало сильное на нас влияние и порою казалось чистым безумием бороться с этим чувством», «а сами мы казались себе пигмеями, ощущая полное свое ничтожество по сравнению с гигантским окружающим нас лесом. Мы принадлежали, однако, к той категории людей, которых величайшие причуды природы скорее вдохновляют, нежели подавляют, и описываемые первые дни борьбы сильно действовали на наше воображение, подбадривая нас лишь в одном направлении — в желании неуклонно двигаться вперед... Путешествие представляло из себя необыденное чарующее испытание» [1, 87-89, 92-94].

После нескольких дней, проведенных в пути, англичане наконец-то оказались в Туве. Они были настолько очарованы «таинственностью неизученной страны», что даже забыли измерить приборами, на какой высоте над уровнем моря она находится. «Страну, в пределы которой мы теперь вступили, можно назвать счастливой плодоносной страной с огромными перспективами и обильными природными богатствами», — пишет Каррутерс. «В течение долгого времени любовались мы открывшимся перед нами видом, с жадностью пожирая глазами исключительные особенности ландшафта. Впервые брошенный взгляд на бассейн Верхнего Енисея произвел на меня совершенно неожиданное впечатление. Я сразу понял, что район этот, будучи составной частью Китайской империи, по своему характеру представляет, несомненно, настоящую Сибирь». «Все восточное пространство бассейна от места слияния рек Пий-Хема и Каа-Хема может быть названо горной страной. Тут встречаются широкие равнины по берегам рек и имеются великолепные, открытые, волнистые низменности в районе верхнего Пий-Хема;

однако в целом восточная часть бассейна безусловно гориста, так как путешественник никогда не теряет здесь из вида хребтов обнаженных скал, увенчивающих вершины всех возвышенностей...». «Центральная часть и пространство, лежащее к югу от Улуг-Хема и восточного Хемчика, представляет более открытую поверхность, состоящую из волнистых степей и лишенную каких-либо горных нагромождений». «Характерной особенностью этого бассейна является его изолированность», «...климат бассейна может быть назван полуконтинентальным. Здесь наблюдаются резкие внезапные переходы и огромные колебания между летними и зимними температурами» [1, 76-77, 109-114, 118].

Следует заметить, что описанию ландшафта, природы, климата, особенностей той или иной местности Каррутерс уделяет значительно больше внимания, чем чему-либо другому. В нем чувствуется заядлый топограф-натуралист, взгляд которого в первую очередь фиксирует именно природные объекты, флору, фауну, почву, и лишь потом замечает все остальное. Он пишет: «... на протяжении нашего путешествия мы встречались здесь постоянно с хвойными лесами, состоявшими преимущественно из шотландской сосны и лиственницы, а равно и с огромными пространствами степи. Здесь нам неоднократно приходилось сталкиваться то с сочными зелеными лугами, то с навевающими уныние лесами, то, наконец, с горными хребтами, частью обильно покрытыми ковром диких цветов, частью же представлявших из себя безотрадное зрелище ничем не покрытых голых скал. Здесь мы имели возможность любоваться сделанными из бересты шалашами и в близком соседстве с ними обычно расположенными войлочными юртами, а также сосредоточенными на очень небольшом пространстве в разнообразном сочетании прирученными животными, как-то: оленями, верблюдами, лошадьми, яками и рогатым скотом» [1, 78].

Англичане приехали в Туву в начале мая 1910 года. Вскоре они обнаружили, что их «впереди ожидают большие затруднения и неизбежные задержки», связанные с отсутствием

дорог и подходящих транспортных средств (например, лодок, которые пришлось им делать самим — М.М.). Зато в продолжение последующих двух недель они имели счастливую возможность наслаждаться и любоваться «тем прелестным и любопытным временем года, когда здесь происходит резкий поворот от глубокой зимы к роскошному лету» [1, 78-79].

Каррутерс также подчеркивает, что народ, живущий в Туве, произвел на них не менее глубокое впечатление, чем дикая природа и неповторимые пейзажи края. Он пишет: «Странное ощущение испытали мы, натолкнувшись внезапно на этот своеобразный и интересный народец, живущий отсталой самобытной жизнью в глубинах такой уединенной части света. Необходимо отметить, что урянхайцы представляют из себя совершенно особенный народец, ограниченный в своем распространении пределами этого удаленного бассейна, который представляется таким труднодоступным и таким оторванным от остального мира, что большое сходство этого народа с другими расами не только показалось бы странным, но даже и невероятным. Бассейн Верхнего Енисея урянхайцы считают принадлежащим всецело им одним, и выйти за его пограничные стены они не могут. Ни в какой другой стране нельзя встретить настоящих диких урянхайцев «сойотов», согласно русской литературе, которые называют себя, однако, «тубами» (тыва — М.М.) [1, 131].

Тува англичанам показалась страной, готовой принять и «вместить крупное население, принадлежавшее мужественному и прогрессирующему народу», который «занялся бы здесь использованием и развитием ее природных и несомненно обильных богатств»; это был настоящий «рай для колонизации». Однако будущее коренных жителей Тувы ему видится весьма пессимистично: «Тот факт, что урянхайцы остаются маленьким народом, живя в пределах страны великих возможностей, не представляющей в сущности серьезных недостатков, указывает на то, что туземцы сами уже не обладают чудодейственной силой возрождения и находятся несомненно на верном пути постепенного угасания» [1, 150-151].

Здесь следует подчеркнуть две главные тенденции, которые постоянно присутствуют в книге Каррутерса. С одной стороны, автор безудержно восторгается красотами Тувы, восхищается ее природными богатствами, с другой, он крайне пренебрежительно отзывался о местных жителях, якобы недостойных этой благодатной страны. Он награждает их самыми разными нелестными эпитетами, называя их полудикими урянхайцами, туземцами, захудалым племенем, дикими жителями леса [1, 191]. В этом смысле Каррутерс был человеком своей эпохи. Будучи выходцем Великой Британии, он был ярким носителем той колониальной идеологии, благодаря которой его страна несколько столетий удерживала статус великой империи, имеющей обширные колониальные владения в Азии и Африке.

Поэтому с огромной долей вероятности можно предположить, что конечная цель английской экспедиции состояла в изучении Тувы с точки зрения перспектив ее колонизации. На это указывает и характер работ, которые проводились англичанами здесь. Например, Каррутерс признается, что «снять на карту этот район оказалось делом чрезвычайно трудным: захватывающая по своей оригинальности работа эта в то же время была скучна и изнурительна в виду ее огромности». «Мы проводили здесь вечера, а часто и поздние ночи за разработкой и составлением наших маршрутных съемок, а также за снятием кож с добытых экземпляров местных птиц и животных, — пишет он. — Этой работе мешали миллионы назойливой мошкары, с которой мы почти безрезультатно боролись, устраивая, как это обычно делается, круги из дымящихся костров». Однако в конечном итоге Каррутерс не без гордости констатирует: «мы совершили максимум работы при минимуме комфорта, которым могли себя обеспечить» [1, 139-140].

Рассматривая весь центрально-азиатский регион как объект колонизации, Каррутерс прекрасно понимает, что шансы англичан здесь практически сведены к нулю. Он не скрывает, что будущее в этом регионе за русскими: «Русские настолько хорошие колонизаторы, что подобных им трудно встретить

где-либо еще в мире, которым, однако недостает только настойчивости и оригинальности для того, чтобы возвести свою родную страну на первую ступень. Русские колонисты медленно, но верно продвигались к югу, по направлению к монгольской границе. Крайние хребты, которые образуют границу, сами по себе не служат вовсе преградой для дальнейшего движения русских. Только густые леса, отделяющие эти хребты, представляют из себя настоящие препятствия для дальнейших успехов русской колонизации. На краю лесной опушки стоят целые русские селения; в лесах же встречаются наиболее энергичные из торговцев, охотников на пушных зверей и рыбаков, которые отваживаются проникать сюда с намерением завязать хотя бы непрочные торговые сношения с туземными племенами и в надежде вознаградить себя за то обилием тех богатств, которые заключает в себе «тайга» в виде запасов минералов и мехов» [1, 77].

15 июня 1910 года экспедиция направилась в Тоджу, где скрываются «туземцы-оленоводы», которые «составляют очень незначительную часть всего урянхайского племени» и «меньше всего подверглись всяким внешним влияниям и более других своих сородичей сохранили своеобразие и чистоту типа, языка, религии и образа жизни». Именно с ними англичанам так не терпелось увидеться в первую очередь.

«Наша встреча с урянхайцами ознаменовалась весьма забавным происшествием, заслуживающим особо быть отмеченным, — пишет Каррутерс. — Чтобы иметь друга во время долгого путешествия, я еще в Сибири купил собаку, которая за ее способности хорошо охотиться на белок, носила русское имя Белка. Это была совершенно белая собака, из породы высоко ценимой в Сибири охотниками за мехами и широко используемой на почтовых трактах для запряжек в правительственные почтовые повозки. В продолжении нашего путешествия ей предоставлена была полная свобода проявлять свой охотничий инстинкт... Она ловила крыс и мышей на всем пути от Енисея до Китайского Туркестана...».

Однажды Белка почуяла запах какого-то зверя и начала охоту на него. Вдруг неожиданно перед ней оказался белый олень. «Результат получился ошеломляющий; олень начал улещивать, а за ним помчалась и моя собака; верховой урянхаец, который вслед затем появился из лесной чащи, последовал за ними в горячую погоню. К счастью, олень обогнал своего преследователя ..., собака оказалась сбитой с истинного следа, и мы случайно сделались друзьями с пастухом, который казался не менее пораженным, чем были поражены мы сами. Знаками мы убедили его проводить нас до его жилища, и он, проведя нас по боковой линии, носящей наименование Ала-Суйской, скоро привел нас к очаровательному луку, раскинувшемуся между холмами, где на залитой солнцем мураве, под тенью леса сгруппированы были островерхие шалаши или вигвамы лагеря урянхайцев. Мы проследовали по долине, направляя свой путь между группами оленей и пугая своим внезапным и странным появлением многочисленных молодых урянхайцев-пастухов и, в конце концов, подошли к самому лагерю» [1, 130-131].

Далее события развивались весьма прозаично. Англичане разбили временный лагерь рядом с тоджинцами. Последние встретили иностранных гостей более чем дружелюбно, они помогли им распаковать груз и за умеренную плату обеспечили их продуктами питания. «По первому впечатлению мы не заметили никаких признаков исключительности, а также боязливости, которые обычно приписываются урянхайцам; — пишет Каррутерс, — напротив, попав к ним внезапно, прямо из леса, мы были ими встречены как любопытные и интересные посетители, которые довольствовались тем только, что раздавали им подарки, не требуя за эти подарки ничего взамен, и которые тратили большую часть своего времени на поднятие своих «магических ящиков» или на разглядывание солнца, как они объяснили себе наше старание надеть как можно больше фотографических снимков и произвести как можно больше астрономических наблюдений». «Трудно описать то невольное и сильное чувство восторга и огромного удовлетворения, какое

испытываешь неизменно при виде обстановки жизни и уголка на земной поверхности, которые еще совсем не развращены победоносным шествием цивилизации, и которые в то же время сохранились во всей прелести своей первобытной простоты». «Мы провели в этом лагере несколько дней, стараясь извлечь как можно больше пользы от обстоятельств, в которых очутились» [1, 132-133].

Лагерь местных жителей состоял из 27 чумов, раскиданных группами по прекрасному луговому пространству, поднимающемуся выше чем на 3500 футов над уровнем моря. Такая уединенность и отрезанность от внешнего мира этой небольшой горстки «лесного племени» произвела на англичан огромное впечатление. «Народец, среди которого мы очутились, принадлежал к клану Тойи» (Тожу — М.М.) и Марди (Маады — М.М.), — пишет Каррутерс. Далее он подробно описывает этнографические особенности тувинцев-тоджинцев: у них «наблюдается поразительное разнообразие типов даже и среди членов одного и того же лагеря»; «среди них встречаются особи с ярко выраженным монгольским типом, тогда как другие, наоборот, поражают совершенным отсутствием признаков омонголения»; никогда еще «не приходилось нам видеть такое племя, обиход жизни которых так полно соотносился бы с окружающей его местностью»; в этом районе «единственным домашним животным, годным для использования его человеком в практических целях, является олень»; вокруг этого лагеря «разгуливало до 600 голов этих своеобразных животных» [1, 133-135].

Одной из важнейших целей английской экспедиции было изучение тувинских оленей. Этим вопросом скрупулезно занимался Миллер. По всей вероятности, он был либо ветеринаром, либо зоологом. Сам Каррутерс признает, что всеми сведениями, касающихся этих животных, он обязан именно Миллеру. В частности, мы находим следующие сведения о них: в жаркие дни эти животные «задыхались даже и под тенью сосен», зато в облачную погоду «они весело разбредались по лугам и паслись в полное свое удовольствие». Поскольку

«номады не утруждают себя заботами о выпасе оленей», те с наступлением сумерек «сами возвращаются с пастбищ не только просто к лагерю, но даже к определенным палаткам своих настоящих хозяев»; вечером женщины дают им «по маленькой порции соли, которую последние в это время едят весьма охотно». Англичан интересовало, не случается ли так, что домашние олени, случайно отбившись от стада, примыкают потом к диким; но на это им «туземцы» ответили, «что их олени, встречаясь с дикими оленями, обычно путаясь и теряясь, никогда не смешиваются с последними». В то же время Каррутерс отмечает, что тувинцы-тоджинцы не отказывают себе в удовольствии охотиться на диких оленей, однако они никогда не ловят их живыми и тем более не стараются приручить их. Из этого он делает следующее предположение: «В диком состоянии олень водится в небольшом количестве в отрогах Саянских гор; здесь он представляет из себя, вероятно, остатки некогда больших стад, в давно прошедшие времена служивших источником, из которого мало по малу образовалась прирученная в настоящее время порода, принадлежащая урянхайцам» [1, 135-137].

Обуреваемые желанием увидеть дикого оленя, англичане «путем осторожных уговоров и ценой подарков», какими являлись сжатый порох, табак и ножи, уговорили двух местных мужчин проводить их до долины реки Чапсы, где находилось убежище диких оленей. При этом они также «руководствовались тайным намерением попутно исследовать этот район и в то же время решить некоторые другие естественно-исторические вопросы». Однако вскоре англичанам пришлось убедиться в ненадежности тувинских проводников, решительно отказавшихся сопровождать их до конечной точки. Предложенное вознаграждение, «которое могло бы соблазнить корыстолюбие любого заурядного оленьего пастуха», оставило их равнодушными. Участникам экспедиции пришлось продолжить путь без проводников [1, 137, 139].

Увидеть стадо диких оленей англичанам так и не удалось. «Возвращаясь однажды после долгой дневной экспедиции пешком, уже

к вечеру я увидел внезапно оленя... — пищет Каррутерс. — Пасясь и передвигаясь с места на место среди обильной высокой травы, искося освещенной лучами заходящего вечернего солнца, он казался совершенно чистым, белым пятном на зеленом фоне. На этот раз я был безоружен и потому не мог помешать оленю невозмутимо прогуливаться. На следующее утро на рассвете мы вернулись к этому месту с Миллером, который найдя оленя в том же самом положении, решил к нему подкрасться, но потеряв целый день, так и не смог это сделать — настолько трудны были условия местности. Это был единственный случай, когда мы видели дикого оленя» [1, 144].

Потеряв надежду поймать дикого оленя, англичане решили приобрести домашнего оленя. После долгих переговоров с оленеводами Миллеру все же удалось купить у них это животное. Об этой сделке Каррутерс сообщает следующее: «Несмотря на то, что стада оленей у туземцев излишне велики для удовлетворения их потребностей, а также на отсутствие спроса на оленя извне, вследствие чего они не имеют никакой рыночной цены, урянхайцы чрезвычайно неохотно соглашались расстаться даже с одним из этих животных. Предложение цены значительно превышавшей действительную стоимость оленя не имело никаких практических результатов. ... 30 пиллинговая плата не вызвала никакого соревнования между различными содержателями палаток, благодаря чему не удалось несколько уменьшить цену сделки. Очевидно, среди урянхайцев деньги не пользуются еще вовсе уважением. Все наши торговые товары полностью пришлось выложить в соблазнительном ряду с тем, чтобы повлиять на воображение какого-нибудь прохожего урянхайца-пастуха; но несмотря на то, что ножи, иглы, мыло, музыкальные инструменты, раскрашенные бусы и автоматические зажигалки для трубок очень занимали туземцев, они отнюдь и не думали считать все эти предметы стоящими хотя бы одного оленя. Некоторые тщеславные старые женщины силь-

но интересовались полотнищами красного и желтого бархата, но они не могли ничего предложить на них взамен кроме оленьего молока, которое и мы без того получали по определенной нами цене в три иглы, или в три безопасные булавки, за чашку. Как никак, но прекрасный экземпляр домашнего оленя был в конце концов приобретен, убит и с него Миллером снята шкура» [1, 149-150].

Попытки выстроить с тувинскими оленеводами торгово-денежные отношения привели англичан к неутешительному выводу: торговать они не желают и не умеют, а потребности их крайне скромны. «Редко можно встретить даже и среди номадов такие племена, — пищет Каррутерс, — у которых жизненные потребности низведены были бы до такого низкого уровня, как у урянхайцев-оленеводов. Представьте себе народ, который живет продуктами, получаемыми от животного одного какого-либо определенного вида, народа, зависящего только от этого животного как в отношении пищи, одежды, так и транспорта, народ, который для удовлетворения всех своих прочих нужд полагается исключительно на дары леса и природы. Ничто другое не влияет на образ жизни этого народа, кроме дичи и корней тайги, ничто не нарушает его спокойствия, кроме злонамеренных козней злых духов в отношении принадлежащих ему стад, желания этого народа весьма ограничены и довольствуется он весьма малым» [1, 223-224].

В конце своей экспедиции англичанам все же удалось выторговать у тувинцев некоторые образцы их домашней утвари, шкуры диких животных, конные снаряжения и прочую мелочь, которые они по возвращении на родину сдали в фонд Британского музея. А за картографирование Центральноазиатского региона и описание Тувы, ее ландшафта, флоры, фауны и народа, ее населяющего, участники экспедиции были представлены к высокой награде Королевского Географического общества Великобритании.

Литература

1. Д. Каррутерс. Неведомая Монголия. Том 1. Урянхайский край. — Пг., 1914.